

УДК 821.162.1-31:94(476)«19»

Анна Александровна Гладкова

канд. филол. наук, доц., доц. каф. литературы

Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

Anna Gladkova

Candidate of Philology, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Literature

of Vitebsk State P. M. Masharov University

e-mail: anngrin@mail.ru

**ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ СОЦИУМ В РОМАНЕ В. ГОМУЛИЦКОГО
«НА БЕЛОРУССКИХ ПРОСТОРАХ»**

Целью исследования является анализ этнического самосознания населения белорусских земель в начале XX в. на материале романа «На белорусских просторах» (1912) польского писателя второй половины XIX – начала XX в. Виктора Гомулицкого. Определена специфика национальной идентичности жителей западного региона современной Беларуси (Литвы в историческом контексте), выявлены признаки, характеризующие этническое самосознание, обозначены проблемы адаптации носителей иного культурного мировоззрения в условиях постоянного проживания на землях Западной Беларуси. В результате исследования сделан вывод о неоднородности полиэтнического социума региона, что объясняется историческими условиями, а также особенностями социального положения, семейного воспитания и личным опытом героев произведения.

Ключевые слова: этнос, самосознание, национальная идентичность, роман, позитивизм, художественный образ, стиль.

Polyethnic Society in the Story of V. Gomulitsky «On the Belarusian Expanses»

The aim of the study is to analyze the ethnic identity of the population of the Belarusian lands in the early twentieth century on the material of the novel «On the Belarusian expanses» (1912) by the Polish writer of the second half of the XIX – early XX century Viktor Gomulitsky. The specifics of the national identity of the inhabitants of the western region of modern Belarus (Lithuania in the historical context) are determined, the features that characterize the ethnic identity are identified, the problems of adaptation of the carriers of a different cultural worldview in the conditions of permanent residence on the lands of western Belarus are identified. As a result of the research, the author comes to the conclusion about the heterogeneity of the multi-ethnic society of the region, which is explained by the historical conditions, as well as the peculiarities of the social situation, family upbringing and personal experience of the heroes of the work.

Key words: ethnicity, self-consciousness, national identity, novel, positivism, artistic image, style.

Введение

Творчество В. Гомулицкого нашло осмысление в ряде работ польских критиков (З. Глогер, З. Либера, М. Адамец), однако его роман «На белорусских просторах» почти не исследован ни в зарубежном, ни в отечественном литературоведении, хотя он содержит материал, отражающий особенности духовной культуры, жизненного уклада, мировоззрения жителей белорусских земель в начале XX в.

Цель исследования – на материале польскоязычного романа В. Гомулицкого «На белорусских просторах» выявить особенности полиэтнического социума на белорусских землях в начале XX в.

Основная часть

Художественный текст представляет собой роман-путешествие, в котором главный герой, варшавянин пан Мирский, накануне свадьбы посещает литвинские земли, чтобы возобновить утраченные семейные связи. Заметим, что в романе нет конкретного разделения политонимов «Литва» и «Белая Русь». Если исторически обозначение «Литва» закрепилось за Виленской, Ковенской, Гродненской губерниями, а «Белая Русь» – за Витебской, Могилевской, Смоленской, частично Минской губерниями, то в романе В. Гомулицкого эти понятия часто взаимозаменяются. Вот, например, монолог местной жительницы пани Тур-Тужанки: «Вы, жители Короны, не ощущаете многие наши изменения. Не знаете, например, что

на этой нашей прекрасной Белой Руси, на этой нашей Литве есть места, на которые мы, местные люди, не можем смотреть, потому что когда-то они были другими» (здесь и далее перевод наш. – А. Г.) [1, с. 10]. Безусловно, местные жители ощущают свое национальное отличие от соседей-поляков, в тексте романа встречаются этнонимы «*короняж*» (житель Короны Польской), «*литвин*», «*белорус*», «*белорусин*», «*жмудин*», «*белорусский поляк*». Традиционно представлена на белорусских землях крупная еврейская диаспора, что также отражено в произведении.

Этническая идентичность, как известно, является главным признаком любой локальной культуры. Этническое самосознание (как осознание индивидом принадлежности к определенной этнической общности) проявляется на разных уровнях, в частности, особенности национального менталитета героев романа хорошо заметны на языковом уровне. Так, речь местного крестьянского населения изобилует белорусизмами (*usie, jon, halshtuk, mogilki* и др.), в речи шляхты, которая долгое время провела за границей и теперь вернулась на землю предков, звучат галицизмы (*la belle France, par exemple, barbare Lithuanie* и др.), германизмы и русизмы – особенность речи местного еврейского населения.

Путешествуя по западным окрестностям Белой Руси, герой отметил, что приметой жизни на белорусской земле является неспешность («*Белорусский крестьянин спешки не знает и не понимает*» [1, с. 17]). Как понял пан Мирский, душа белорусского народа раскрывается в его песнях, монотонных, печальных, которые могли породить «*смертельно раненое сердце, душа, раскрытая до самых глубин, и печаль по утраченному величию*». Размышление о белорусском характере приводит героя к выводу о том, что изначально душа белоруса «*вышла из рук Создателя печальной. Меланхолия этой души врожденная, стихийная, как мгла, постоянно обволакивающая пейзаж*» [1, с. 47].

Один из дальних родственников пана Мирского живет на границе Пинского повята. Во время весеннего половодья гостю удалось добраться к свояку Никите Ботвинку, герою Севастополя. Речь старого солдата изобилует русизмами (*biedniażka, blago-*

rodny) и украинизмами (*Ukrajna, sosid, żinka*); он тоскует по родным местам на Украине и проводит дни в ожидании друзей оттуда. Адаптироваться этому герою придется с трудом: его жизнь прошла на военной службе в российской армии, в старости только память о далекой родине поддерживает силы капитана.

Примечательно знакомство поляка со священником-жмудином, лаконичный портрет которого содержит непривлекательные детали: узкие глаза, которые хитро смотрят из-под мрачно сдвинутых бровей, настороженность, крайняя самоуверенность. Герой видится пану Мирскому ограниченным человеком с провинциальным мышлением, который уверен, что книга – светская глупость: «*Не читаешь – живешь спокойно*» [1, с. 51].

Менталитет части местной шляхты находится под российским влиянием, так сын пана Свирского читает только русских классиков и мечтает учиться на инженера в Российской империи. С горечью констатирует пан Мирский, что такие молодые люди не знают, к примеру, о Л. Кондратовиче (В. Сырокомле), но цитируют Державина Грибоедова, не ценят свою культуру, не хотят оставаться на родине: их привлекает Российская империя возможностью в перспективе обрести материальный достаток.

Чужеродным на литвинской земле видится семейство еще одних свояков пана Мирского – Гурвичей: французский язык, модные журналы из Парижа, беседы о Золя и Метерлинке, а не о Крашевском, Ожешко, Реймонте, обеспокоенность политикой Франции в Африке, а не вопросами, актуальными для белорусского края, – таковы штрихи жизненного уклада этого шляхетского дома. Мать молодого Гурвича большую часть жизни провела в Париже, поэтому ей трудно приспособиться к местным условиям; очевидно, перед героиней не стоит такая задача в отличие от ее сына, который пытается перенять местные традиции, изучить родной язык, что было условием предка династии. Молодой хозяин старается соответствовать этому требованию: отпускает усы, носит одежду из самодельной ткани, однако потребуется немало времени, чтобы французская линия Гурвичей смогла полностью включиться в литвинское окружение и стать

гармоничной частью местного шляхетского общества.

О местном населении пан Мирский в письме невесте отзывался с симпатией: *«А люди местные – милые, сердечные, набожные. Они не похожи на цивилизованных жителей городов Европы и Варшавы»* [1, с. 53]. Примечательно, что спокойствие, размеренность жизни литвинов и белорусов приходится по душе эстетствующему варшавянину, хорошо знакомому с европейскими нравами. Однако молодому поляку претит ряд особенностей жизни на Литве. Повсеместное пьянство и неумеренность в пище, инертность мышления, лень и пассивность местной шляхты, ее ограниченные интересы, отсутствие познаний в области национальной истории и культуры, ориентация на Российскую империю или Западную Европу, когда свое, родное не видится ценным и заслуживающим внимания. Шляхта забывает о своих корнях, и это волнует главного героя. Так, пан Рецкий сменил фамилию деда Гречка на польский лад (Мирский метко называет Рецкого ренегатом и бактерией, воспитанной гувернерами на последние деньги); о пане Петре, который единственный из всего местного окружения стремится привнести прогрессивные идеи в сельское хозяйство региона и проявляет заботу о крестьянах, судачат как о сумасшедшем.

Местное население, как правило, склонно к скупости, при этом редко когда накопленное переходит из поколения в поколение: деньги могут быть безрассудно потрачены или спрятаны так, что найти их невозможно. На общественные нужды здесь также жертвуют неохотно, это делают только представители известных шляхетских династий, имена которых вписаны в историю и культуру края: *«На них только и держится честь провинции»* [1, с. 137].

Разочарование пана Мирского усиливается к концу путешествия: *«Мир, который окружал его, не был миром Мицкевича, Зана, Чечота, Ходьки, Плакида Янковского, Крашевского, Сырокомли, Ожешко»* [1, с. 86]. После встречи с местным краеведом польский путешественник узнает, что местное население сохраняет приверженность ряду языческих традиций (особый обряд поминовения предков «Дзяды», долгое бытование в некоторых местностях *jus primaе noctis* (право первой ночи), вера в целительную

силу растений и деревьев). Как следует из пояснений краеведа, белорусы – народ искренний, истинно верующий в Бога, крайне осторожный и боязливый. Это объясняется не только природной сдержанностью, но и пониманием мира как оппозиции «свой – чужой». Поэтому и слова католического традиционного приветствия тут адресуют не каждому встречному. Показательно, что даже незнакомое слово (например, русскоязычное приветствие *«здравствуй»*) белорус объясняет, ожидая недоброе: звуковое совпадение с белорусским словом *«трасца»* (*«лихорадка»*), пугает местного жителя и заставляет беречься от такого «опасного» приветствия. *«Так и становятся скрытными и малоразговорчивыми»*, – подводит итог беседы спутник пана Мирского.

Жизненная философия белорусов строится на довольстве малым: *«Ни к чему не надо привязываться. Доля, недоля... Дал Бог несколько счастливых дней – и хорошо. Грех – желать большего»* [1, с. 131]. Белорус, по наблюдениям польского путешественника, также склонен к самостоятельности и задумчивости; для пана Мирского так и осталось загадкой, как сочетаются в белорусском характере наивность, простота и необычайная глубина духа. Оказывается, поверхностные суждения исследователей не до конца раскрывают суть, «самость» белоруса, и это одно из важнейших открытий, к которому приходит главный герой.

Мировоззрению белорусского крестьянина также свойственна удивительная покорность судьбе. Смерть детей от скарлатины, эпидемии которой повторяются с печальной регулярностью, не побуждает деревенских жителей к действиям – попыткам установить причину опасного заболевания. Вместо этого крестьянин-фаталист отвечает: *«Ну и что? Эти умерли, другие будут»* [1, с. 147]. Печалит главного героя романа также факт отсутствия должного уважения к памяти *«певца Юстины»* Франтишка Карпинского, поэта и благодетеля края, могила которого находится в запустении.

Среди героев романа есть еще одна социальная группа жителей региона. Это еврейское население, не особо любимое литвинами, которое держится отдельно, что способствует формированию негативного этнического стереотипа. В то же время евреи, в отличие от пассивного местного на-

селения других этносов, выделяются энергичностью, предприимчивостью, умением вести дела и поддерживать связи со всем миром. Они получают корреспонденцию из Германии, Англии и Америки, обсуждают актуальные темы (торговлю, финансы, политику). Их речь пестрит германизмами, в общении ощущается открытость евреев миру, что и позволяет им опережать местных жителей в вопросах успешного предпринимательства и *«иметь перевес в битве рас, темпераментов, культур»* [1, с. 164].

В ряду примечательных образов – носителей разного этнического самосознания особого внимания заслуживает пан Колчанович, в доме которого читают «Нашу ниву», говорят по-белорусски и по-польски. На последних страницах романа обсуждается важный литовский вопрос, идеальное решение которого демонстрирует авторскую позицию и заключается в словах А. Мицкевича, который в поэме «Пан Тадеуш» назвал Литву своей родиной (Litwo! Ojczyzna moja...), себя – литвином, хотя писал по-польски. Художественной удачей В. Гомулицкого видится сравнение Литвы с деревом, к которому пятьсот лет назад была привита польская культура: *«Благодаря этому дичка стала шляхетным деревом, которое расцвело. Культура стала соком дерева и дает ему живительные силы, и если отсечь эти корни, то дичка снова превратится в дикое растение»* [1, с. 173].

В романе также находят место отзвуки темы межэтнической интеграции, обеспечивающей создание нормального климата для общения и сосуществования людей разных национальностей, и этнической ассимиляции, под которой понимается *«частичная или полная утрата индивидами, представляющими данный этнос, национальных особенностей под воздействием количест-*

венно и социально доминирующего (мажоритарного) этноса» [2, с. 89]. В очередном письме невесте пан Мирский рассуждает, способен ли человек западноевропейского менталитета ассимилироваться в реалиях Литвы и Белой Руси, ответ героя весьма неопределен.

Заклучение

Посетив край своих земляков по материнской линии, герой столкнулся с совершенно незнакомой культурой, о которой имел представление только по книгам классиков польской литературы, и это знакомство стало познавательным и полезным, позволило увидеть уникальность белорусского этноса, его традиции, верования, культуру, а также познакомиться с представителями всех социальных слоев и народностей, проживающих в регионе: шляхтой, крестьянами, интеллигенцией, духовенством; евреями, литвинами, белорусами (белорусинами), носителями европейских культурных ценностей, сторонниками политики Российской империи, ренегатами и сознательными патриотами края, которые способствуют проникновению прогрессивных идей в областях сельского хозяйства, науки и культуры. Панорама образов романа представлена носителями разных, часто противоположных взглядов, это свидетельствует о разнообразии местного населения, его неоднородности в плане менталитета, образования, культурного кругозора, ценностных установок.

Значение романа В. Гомулицкого «На белорусских просторах» видится в новом, более пристальном взгляде европейца на население Литвы и Белой Руси, в попытке отметить особенности национального менталитета его жителей, обозначить проблемы, наметить пути их решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gomulicki, W. Na rozłogach białoruskich / W. Gomulicki. – Warszawa, 1912. – 182 s.
2. Дьячков, М. В. Об ассимиляции и интеграции в полиэтнических социумах / М. В. Дьячков // Социол. исслед. – 1995. – № 7. – С. 88–92.

REFERENCES

1. Gomulicki, W. Na rozłogach białoruskich / W. Gomulicki. – Warszawa, 1912. – 182 s.
2. D’jachkov, M. V. Ob assimiliacii i integracii v polietnichieskikh sociumakh / M. V. D’jachkov // Sociol. isslied. – 1995. – № 7. – S. 88–92.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.09.2021